

Тезисы к докладу

Морально позитивная антигуманность и ее нормативные предпосылки в истории европейской этики

(ЦАСФиН, 27.01.2015)

Общая идея: меня интересует, каким образом в том или ином этическом дискурсе оказывается возможным преподнести антигуманную активность как проявление морального блага. Я пытаюсь показать, что эта возможность в целом определяется общими нормативными основаниями этического дискурса. В частности, на мой взгляд, можно различать два типа нормативной логики, – субъективистский и объективистский, как я их называю, – первый из которых «блокирует» морально позитивную антигуманность в гораздо большей степени, чем второй.

Основные тезисы таковы:

1. Под *антигуманностью* я понимаю тенденцию определенной активности морального агента приводить к *физическому злу* (соответственно, *гуманность* – это противоположная тенденция активности, приводящая к *физическому благу*). Эта тенденция может быть направлена а) на самого агента, б) на других агентов, в) и на самого агента, и на других агентов. Ближайшим образом меня здесь интересуют случаи *интерсубъективной* антигуманности, когда агенты причиняют физическое зло друг другу. Соответственно, говоря далее об антигуманности (или гуманности) вообще, я буду подразумевать именно такую интерсубъективную антигуманность (или гуманность), возможность которой предполагается в б) и в).

2. Под *физическим благом и злом* я понимаю те пассивно претерпеваемые факторы опыта, от которых, соответственно, *субъективно хорошо или плохо* чувствующим существам. Проще всего раскрыть это понятие, апеллируя к гедонистическому инструментарию, т.е. как, соответственно, удовольствие и страдание и их стандартные причины (Удовольствие и страдание при этом можно понимать в максимально широком смысле, т.е. не только телесное, но и психологическое или духовное, не только чувственные состояния, но и своего рода интенциональные установки или то, что англоязычной специальной литературе обычно называют *attitudinal pleasures and pains*).

3. Цель доклада – показать, в зависимости от каких базовых *нормативных* факторов антигуманность может вообще впервые *начать* трактоваться либо как нечто морально позитивное, либо как нечто морально негативное. Соответственно, в методологических целях гуманность не рассматривается здесь как нечто *заведомо* морально позитивное, а антигуманность как нечто *заведомо* морально негативное.

4. Если *нормативное* понятие морального блага и зла, с точки зрения которого гуманная или антигуманная активность оценивается как морально значимая (т.е. как морально правильная или/и неправильная), *включает* в себя понятие физического блага и зла, то я называю такое нормативное понятие *субъективистским*. «Включает» означает здесь следующее: моральная правильность активности прямо пропорциональна ее гуманности, т.е. присущей ей тенденции приводить к физическому благу, и *дедуцируется* из нее, а моральная неправильность активности прямо пропорциональна присущей ей антигуманности, т.е. присущей ей тенденции приводить к физическому злу, и *дедуцируется* из нее.

5. Если *нормативное* понятие морального блага и зла, с точки зрения которого гуманная или антигуманная активность оценивается как морально значимая, *не* включает в себя понятие физического блага и зла, то я называю такое нормативное понятие *объективистским*. Содержательно объективистские нормативные понятия могут быть сколь угодно разнообразны (например, они могут апеллировать как к последнему нормативному основанию к воле или закону Бога, так или иначе понимаемой «природе» и/или ее закону, так или иначе понимаемому объективному «совершенству» человека или его души, логической универсализируемости максимы поступка, позитивному законодательству как таковому, общественному договору как таковому и т.п.). Их объединяет только один негативный признак: моральная позитивность

активности *не* дедуцируется из *самой* ее гуманности, а моральная негативность – из *самой* ее антигуманности.

6. Нормативная логика субъективизма предполагает, что *сама* гуманность как таковая есть нечто морально хорошее, а *сама* антигуманность как таковая – нечто морально дурное. Моральная позитивность антигуманности в таком контексте может допускаться преимущественно в том смысле, что некоторая *непосредственно* антигуманная (и в этом смысле морально проблематичная) активность трактуется как *опосредованно* гораздо более гуманная (и в этом смысле все же морально оправданная). Это допущение остается дискуссионным и, в целом, субъективистский дискурс ориентирован на минимизацию допускаемой им морально позитивной антигуманности (ибо *как* антигуманность она на базовом уровне все равно морально проблематична).

7. Нормативная логика *объективизма* такова, что *сама по себе* гуманность или антигуманность активности неизбежно оказывается в ее рамках чем-то морально нейтральным. И гуманность, и антигуманность могут лишь *привходящим образом становиться* чем-то морально правильным или неправильным в зависимости от их соответствия или несоответствия объективистским нормативным стандартам (например, гуманное действие является морально хорошим, если соответствует воле Бога, и морально дурным, если противоречит воле Бога; антигуманное действие является морально дурным, если противоречит воле Бога, но морально хорошим, если соответствует ей, и т.п.). Поэтому в объективистском дискурсе открывается *возможность* того, что некоторая *непосредственно* антигуманная активность *как таковая* оказывается *однозначно* морально позитивной, и при этом нет никакой необходимости минимизировать ее количественные параметры.

8. Один из наиболее популярных способов (в любом дискурсе) представить антигуманную активность как нечто морально позитивное состоит в том, чтобы прибегнуть к *ретрибутивистской* интерпретации этой активности. Под *ретрибутивизмом* я здесь понимаю точку зрения, согласно которой некоторая антигуманная активность по отношению к другому агенту (т.е. причинение ему физического зла) является морально позитивной и «справедливой», если она представляет собой (пропорциональное) наказание за допущенное самим этим агентом моральное зло.

9. Между субъективистским и объективистским ретрибутивизмом существуют фундаментальные различия. Субъективистский ретрибутивизм предполагает, что *само* моральное зло, за которое «справедливо» наказывают некоторого агента, состоит в том, что он причинил кому-то еще *физическое* зло. Т.е. ретрибутивный баланс здесь может быть редуцирован к балансу между физическим злом, которое причинил сам агент, и физическим злом, которое причинили ему в наказание за это. Объективистский ретрибутивизм предполагает, что *само* моральное зло, за которое «справедливо» наказывают некоторого агента, *не* состоит в причинении кому-либо физического зла (даже если последнее при этом имело место фактически). Т.е. ретрибутивный баланс здесь устанавливается между *самим* «объективным» моральным злом как таковым и причиняемым в наказание за него физическим злом. При этом субъективизм стремится к *минимизации* ретрибутивной антигуманности, а объективизм может допускать моральную позитивность *неограниченно* интенсивной ретрибутивной антигуманности (например, адские муки).

10. Исторически, на мой взгляд, субъективистский этический дискурс в том варианте, в каком я обсуждал его здесь, т.е. в его альтруистической и универсалистской версии (ср. 1 б-в)), получил свое распространение в европейской культуре Нового времени, начиная с 17 века. Единственный тип субъективизма, существовавший до этого, носил эгоистический характер (гедонизм киренаиков и эпикурейцев, ср. 1 а)). Остальные разновидности этического дискурса, которые существовали в европейской традиции до 17 века, были объективистскими.